

Юлия Гусева

Религия, ресурс и государство: размышления над книгой Рената Беккина «“Люди в верности надежные...”. Татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века)»

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-3-4-603-623>

Yuliya Guseva

Religion, Resource and the State: Reflections on Renat Bekkin's Book “‘People in Loyalty Reliable...’. Tatar Muftiyats and the State in Russia (18th–21st Centuries)”

Yuliya Guseva — Moscow City University (Moscow, Russia).
j.guseva@mail.ru

The review discusses the methodology issues related to the study of state-religion relations in Renat Bekkin's recent monograph. The book looks at the institution of muftiyats and Muslim organizations as elements of the Russian state system, analyzed through the concepts of the economics of religion and neo-institutional economics. A critical analysis of this methodology demonstrates the value of its heuristic potential, which, however, cannot be admitted as universal and sufficient when applied to the sphere of religion. The limitations are connected with underestimating the interests and resources of both religious organizations and individual believers; a limited value of applying the market model to Russian state-religious interactions; and the lack of a general description of the political economy model in the book under review.

Keywords: economics of religion, neo-institutional economics, muftiyat, Spiritual Administration of Muslims, state-Islamic relations, state-religious relations.

ЭТА статья изначально задумывалась как рецензия¹ на добротную научную работу, посвященную анализу государственно-исламских отношений². Однако усилиями автора и заинтересованных и погруженных читателей рукописи она превратилась в дискуссионную статью, в которой рецензируемая научная книга де-факто является лишь поводом для обсуждения вопросов о современных подходах к изучению созависимых отношений российских религиозных институтов и государства.

Существуют и объективные причины, подвигающие нас к разговору на данную тему. Новая работа Р. Беккина — наглядное подтверждение свершившегося «материального поворота» в гуманитарных исследованиях, пришедшего на смену прежнему массовому увлечению историков языком и дискурсом³. В этой парадигме культура рассматривается как явление экономического порядка⁴, выявляются аналогии в деятельности механизмов функционирования материальных и нематериальных сфер⁵, а разнообразные экономические тео-

1. Я благодарю Софью Рагозину за предложение о подготовке рецензии. Оно прозвучало на читательском коллоквиуме «Читая ислам, понимая мусульман», где обсуждалась монография Р. Беккина.
2. Беккин Р. И. «Люди в верности надежные...». Татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века). М.: НЛЮ, 2022.
3. Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М.: НЛЮ, 2020. С. 10.
4. См., например, анализ экономической истории и ее связи с процессами реисламизации в мусульманских общинах Центральной Азии: Babadjanov, B. (2014) *The Economic and Religious History of a Kolkhoz Village: Khojavot from Soviet Modernisation to the Aftermath of the Islamic Revival in Allah's Kolkhozes. Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s)*. Berlin: Klaus Schwarz Verlag; а также исследования по экономической истории РПЦ (Андреев А. Становление Финансово-хозяйственного управления Русской Православной Церкви: История централизованного управления церковным имуществом и финансами в России. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014; Митрохин Н. Экономика Русской православной церкви // Отечественные записки. 2001. № 1(1). [https://strana-oz.ru/2001/1/ekonomika-russkoy-pravoslavnoy-cerkvi#_ftnref3, доступ от 20.03.2023]. В монографии А. Назарова рассмотрены и неправославные организации (Назаров А. А. Экономика и религия в российской империи. Конфессиональная политика в системе экономических реформ [по материалам законодательства XVIII–XIX вв.]. Москва: Парадиз, 2006)).
5. Например, Илья Калинин предлагает рассматривать процесс обращения государства к культурной сфере (в частности, к историческим традициям государственности, национальной идее и «духовным скрепам») через призму политэкономии государственно-корпоративного капитализма, который подобным образом пытается обрести политическую идентичность и дополнительную легитимацию. Для описания характера отношений им используется экономическая модель холдинга, в котором материнская фирма (государство) распределяет заказы и выдает лицензии на освоение ресурсов исторического прошлого другим «фирмам» (Калинин И. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика

рии, начиная с 1960–1970-х годов (периода формирования «новой парадигмы» в социологии религии) обживаются на страницах исторических исследований⁶.

Почему подобное исследование увидело свет именно сейчас? Получившее болезненную «прививку» политэкономии марксизма-ленинизма сообщество отечественных гуманитариев не готово опереться на экономические концепты в объяснении социальных процессов. Слишком болезненными могут быть аллюзии с советским прошлым и другими «-измами»⁷. В свою очередь, не обремененные памятью об идейном коммунистическом наследии исследователи, напротив, уверенно чувствуют глобальную научную и политическую конъюнктуру, более открыты к применению экономического инструментария в гуманитарных науках⁸. Иной вопрос, какая объяснительная схема предлагается взамен⁹.

Попутно отметим парадоксальный факт, характерный для историографии экономической истории российского ислама. Мы имеем значительное число исследований по истории религиозных инсти-

ренты // Неприкосновенный запас. 2013. № 2[88]. С. 200). Рассуждения Р. Беккина во многом перекликаются с подобными установками.

6. Один из многочисленных, близких автору статьи, примеров: «Постсоветские суфийские наставники вынуждены действовать в условиях жесткой конкуренции на рынке религиозных услуг, что определяет их стратегию и тактику, в частности, способы их саморепрезентации в общественной сфере и киберпространстве» (*Кныш А. Постсоветский суфизм как предмет научного исследования сегодня и в ближайшей перспективе* // Суфизм после СССР. М.-СПб.: Марджани, Аль-Макам, 2022. С. 21).
7. При первом прочтении книги рецензенту также было нелегко отделаться от мысли о нетленности идей классиков марксизма. И в этих мыслях нет ничего предосудительного.
Попутно заметим, что неслучайно в условиях постсоветского идейного многообразия концепция еще одного «-изма» — ориентализма Э. Саида — не вызвала у отечественных гуманитариев восторга и принятия из-за ее детерминистской, словно заимствованной из изданий советских философов, схемы, в которой Запад только диктует и управляет, а Восток только подчиняется (Serebriany, S. [2012] “‘Orientalism’: a good word defamed”, in E.S. Shteiner (ed.) *Orientalism/Occidentalism: Languages of Culture vs Languages of Description: Collected Papers*, s. 29. М.: Sovpadenie).
8. Неслучайно монография базируется на тексте диссертационного исследования на соискание степени Doctor of Religion Studies, полученной Р. Беккиным в 2020 году в шведском Университете Сёдертёрна (*Södertörns högskola*).
9. Я признательна Сергею Горюнову, который обратил мое внимание на необходимость углубленного анализа предлагаемой методологии на предмет редукционизма и авторитарности ее языка.

тутов и их взаимодействию с государством¹⁰, исламским финансам в России¹¹. Современные ученые охотно изучают формы халяльного движения, которое представляется сферой экономических свобод и гражданского активизма¹².

При этом тематика деятельности исламских организаций как экономических агентов, их ресурсный потенциал освещена крайне фрагментарно и касается лишь имперского и советского периодов¹³. Немногочисленные публикации о современности носят скандально-разоблачительный характер. Может сложиться впечатление, что тема денег, материальных интересов и «невидимой руки исламского рынка» — сфера исследований, которую исследователи стараются избегать.

Актуальность нового взгляда на взаимоотношения ислама и государства очевидна и потому, что российское и зарубежное исламоведение в последние десятилетия накопило значительный фактологический багаж в сфере изучения отечественных государственно-исламских отношений, который настоятельно требует осмысления с новых методологических позиций.

10. См., например: Ислам и советское государство (1917–1936). Сборник документов. Вып. 2 / Сост., автор предисл. и прим. Д. Ю. Арапов. М.: ИД Марджани, 2010 и другие публикации Д. Ю. Арапова; Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара: Офорт, 2013; Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999, а также публикации А. Бустанова, В. Бобровникова, М. Кемпера, П. Сартори, А. Халида, Э. Тасара и других специалистов.
11. См.: Зарипов И. А. Исламские финансы в России: проблемы становления и пути их решения // Мир новой экономики. 2016. № 2. С. 64–74 и другие его публикации.
12. См., например: Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: Коллективная монография / отв. ред. Т. Н. Липатова. Казань: Издательство АН РТ, 2021. С. 354–367; Benussi, M. (2020) “Sovereign” Islam and Tatar “Aqidah”: Normative Religious Narratives and Grassroots Criticism Amongst Tatarstan’s Muslims”, *Contemporary Islam* 14: 129–130.
13. Источники существования исламских институтов в Российской Империи / сост. и отв. ред. И. К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009; Кобзев А. В. Анализ финансово-хозяйственной деятельности мусульманских зарегистрированных общин Ульяновской области в 1960–1980-х гг. // Финансы и кредит. 2014. № 48(624). С. 60–71; Королев А. А. К вопросу о финансовой деятельности мусульманских объединений СССР во второй половине 1940 — первой половине 1980-х гг. (по материалам Пензенского региона) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 126–130; Мухаметзянов А. А. Экономическое положение мусульманской общины в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2007. № 49. Вып. 13. С. 133–137.

Перед нами стоит цель: проанализировать познавательные возможности предлагаемого в монографии методологического подхода, акцентируя внимание на его применимости к российским реалиям. Для этого скажем несколько слов об общих и наиболее важных частных положениях методологической рамки и сосредоточимся на поиске ее «узких мест», иллюстрируя их материалами из области государственно-исламских отношений. Затем выскажем собственные соображения по развитию этой методологии по трем узловым направлениям: о характере религиозного рынка в России, о верующих как потребителях религиозного продукта и о ресурсной составляющей религиозных акторов.

Отправной точкой наших рассуждений и будет новая книга Рената Беккина, которая представляет собой объемный — более 500 страниц — научный труд с введением методологического характера, шестью главами, которые представляют читателю многовековую историю российских муфтиятов, их классификацию и различные аспекты взаимодействия с государством. Читатели откроют для себя много нового в приложениях, которые представляют собой избранные интервью автора книги с яркими фигурами российского мусульманского мира.

Отметим высокую научную ценность монографии, обширность и взвешенность источникового и историографического анализа, стилистическую легкость в изложении сложных сюжетов. Фактологическая сторона исследования, на наш взгляд, практически лишена изъянов. Книга обречена стать настольной для специалистов по новой и новейшей истории государственно-исламских отношений.

В этой работе Ренат Беккин предложил изучить институт муфтията и российские исламские организации (духовные управления мусульман, муфтияты) как управленческие феномены. Для анализа задается эвристический потенциал неоклассической экономической теории, включающий в себя теории религиозной мобилизации Р. Старка и Л. Яннаконе, рационального выбора Р. Старка, Л. Яннаконе, У. Бейнбриджа и Р. Финке, религиозных фирм Р. Экелунда¹⁴. Вторая методологическая составляющая — теория неинституциональной экономики Д. Норта¹⁵.

14. Беккин Р.И. «Люди в верности надежные...». С. 22.

15. Неинституционализм, кроме прочего, исходит из следующих посылок: помимо экономических институтов, социальные институты также имеют большое значение и поддаются анализу с помощью понятий и методов, выработанных экономической наукой. Одним из создателей неинституциональной теории является Ду-

В исследовании закреплено разделение объекта исследования на муфтият как институт и духовные управления мусульман как организации; обоснована типология конкретных муфтиятов, действующих как на федеральном, так и на региональном уровне. На страницах книги разворачивается насыщенный уникальной фактурой сюжет взаимодействия двух ключевых субъектов: религиозных организаций («фирм»-муфтиятов, которые предлагают свой «продукт» на религиозном рынке) и государства.

Между муфтиятами и государством складываются отношения, описываемые в категориях рыночной экономики. Государство — основной заказчик и регулятор религиозного рынка. Оно не только инициирует (заказывает), контролирует производство религиозных и нерелигиозных услуг, но и назначает конечным потребителем самое себя, целостное государственное «тело», мобилизуя для этого ресурсы муфтиятов.

В этой конструкции властных отношений основной задачей и миссией муфтиятов является исполнение государственного «охранительно-мобилизационного заказа» (на внутреннем рынке) и поддержка геополитических инициатив Российской Федерации (на внешнем контуре).

Суммируя описанные в монографии стратегии поведения государства и муфтиятов на религиозном рынке в различные исторические эпохи, мы получим следующее:

- государство устанавливает критерии для входа на рынок, которым соответствует определенная фирма-муфтият;
- оно же создает условия для фирм-муфтиятов, чтобы они могли сохранить свое положение на рынке в качестве олигополистов;
- ситуация олигополии обеспечивается путем: (а) искусственного формирования спроса на религиозный продукт, предлагаемый муфтиятами (в т.ч. посредством борьбы с «нелицензированными» вариантами религиозного лидерства); (б) ограничения «точек входа» для новых организаций так, чтобы новые автономные общины были «вынуждены взаимодействовать» с муфтиятами и обменивать свою самостоятельность на услугу «защиты от вмешательства государства в их религиозную жизнь»¹⁶.

глас Норт (Douglass North, 1920–2015). Основные положения изложены в работе: North, D. C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press; перевод: *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики /пер. с англ. А.Н. Нестеренко, предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

16. Беккин Р.И. «Люди в верности надежные...». С. 39.

Складывается однозначное понимание: невзирая на исторические перипетии, неизменным остается функциональное предназначение института, сформулированное в момент учреждения муфтията в 1788 г. — служить проводником государственной политики в мусульманском сообществе России. При таком прочтении муфтият как институция представляет собой важный «охранительный» инструмент государственного контроля за содержанием и организацией духовной жизни, инструмент хеджирования (страхования) рисков государства¹⁷.

Лишь со временем муфтият как институт обрел легитимность, получил поддержку со стороны национально-религиозных элит и верующих, что объясняет факт его выживания в кризисные исторические моменты (1917, 1991). Анализ приведенных в книге исторических реалий показывает, что легитимация случилась во многом благодаря опоре на административный и силовой ресурс государства. Последнее было заинтересовано в формировании социального слоя мусульманского духовенства как специфической группы религиозной бюрократии, наделенной особыми правами и обязанностями.

Левиафан на религиозном рынке

Насколько подходы экономики религии и неoinституциональная теория позволяют осмыслить механизмы функционирования институтов в тех обществах, где неформальные правила играют существенную роль (именно так автор книги определяет российскую политическую систему)?

Отдадим должное исследователю, ставящему под сомнение универсальность языка экономической науки при описании религиозной сферы. В монографии и других публикациях ученого¹⁸ нашлось место анализу отдельных недостатков теории экономики религии, предложена их коррекция. Например, в понятие «религиозный продукт» включаются не только религиозные, но и нерелигиозные товары и услуги (идеологическая работа; социальная работа религиозных организаций)¹⁹. Но важный исходный тезис о том, что выбор ре-

17. Там же.

18. Беккин Р. И. К вопросу о применимости теории экономики религии к изучению деятельности духовных управлений мусульман (муфтиятов) в современной России // Проблемы современной экономики. 2019. № 4(72) [<http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6797>, доступ от 20.03.2023].

19. Так, на примере Татарстана и деятельности ДУМ Республики Татарстан, а также других крупных муфтиятов, подробно рассмотрена «продукция» нерелигиозного, идеологического характера, которая производится по заказу государства, руко-

лигии — это рациональное действие, продукт рационального выбора и что оно производится на религиозном рынке, на котором действуют законы спроса и предложения, известные из экономической науки — остается неизменным²⁰.

Позволим себе несколько реплик. Прежде всего, концепт рационального религиозного выбора продолжает критиковаться социологами религии²¹. Подобное «обмирщение» веры вряд ли может вызвать полное принятие самих верующих, которым приписывается прагматизм в вопросе духовных предпочтений. Кроме того, религиозные организации противятся оценке собственной деятельности экономическими категориями эффективности, понятиями выгоды-издержек, «категорически не соглашаются с тем, что правила, регулирующие систему экономических отношений, должны определять деятельность приверженцев вероучений по распространению своих убеждений, а тем более служить критерием степени религиозности»²².

Напомним, что «новая парадигма» экономики религии также опирается на исходный тезис о многообразии религиозных рынков, которое поддерживает и соответствует плюральности общественно-политической системы в целом²³. На это указывает и автор книги²⁴. С этим связано еще одно сомнение: корректно ли считать рыночной, то есть действующей в условиях конкуренции и многообразия пред-

водства субъекта («духовная дипломатия», идеологические конструкты для внутреннего и внешнего употребления, обеспечение лояльности со стороны верующих граждан, борьба с неподконтрольной религиозной активностью и пр.).

20. Беккин Р. И. «Люди в верности надежные...». С. 22.

21. Продолжается научная дискуссия о том, насколько плодотворна экономика религии при изучении религиозного феномена, уместно ли говорить о рациональном подходе в применении к такому сложному и далеко не рациональному феномену, как религия (см., например: Руткевич И. Д. «Новая парадигма» в социологии религии: Pro и Contra // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 207–233; McKinnon, A. M. (2011) "Ideology and the Market Metaphor in Rational Choice Theory of Religion", *Critical Sociology* 1–15).

22. Лобазова О. Ф., Никифоруц-Такигава Г. Б. Big Data в исследовании вовлеченности молодежи в виртуальный «религиозный рынок» // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 24. С. 64–77.

23. «Необходимое условие функционирования рынка религий — религиозный плюрализм, открывающий дорогу конкуренции между конфессиями за приверженцев. Регулирование рынка со стороны государства ограничивает эту конкуренцию, влияя как на мотивы и возможности производителей (религиозных организаций), так и на выбор потребителей (адептов религий)», — указывают классики «новой парадигмы» (Stark, R. Finke, R. (2000) *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*, p. 100. Berkeley: University of California Press).

24. Беккин Р. И. «Люди в верности надежные...». С. 27.

ложений сложившуюся в России модель государственно-религиозных отношений?

Если отождествлять количественное многообразие муфтиятов (в имперский и советский период их было 4, сейчас более 80) и наличие иных религиозных, немусульманских структур с пониманием плюральности, то, пожалуй, можно говорить о многообразии предложений. Но в таком случае нужно «забыть» про правила игры, которые задаются государством²⁵ и про то, что муфтияты были созданы и существуют как приводные ремни российской государственной машины.

Автор книги неоднократно подчеркивает факт монополизации государством религиозного рынка в России, а также то, что *«само существование религиозных объединений в стране зависит от государства, а не от верующих»* (выделено нами — Ю.Г.)²⁶; что *«государство и духовные управления не заинтересованы в существовании плюрализма на религиозном рынке»*²⁷. Но ответ на вопрос, существует ли религиозный рынок в России в условиях специфической внешней среды и характера самих религиозных институтов, остается открытым.

Следующий важный момент — разговор о рыночном характере самих муфтиятов-«фирм». Перефразируя «утиный тест»²⁸, если нечто создается государством, управляется и поддерживается государством, финансируется (явно или неявно) государством, оно же осуществляет контроль над финансовыми потоками муфтиятов (на это справедливо указывается в книге), — то, скорее, это является специфической частью государственного бюрократического аппарата (государственной монополией?).

В любом случае решение этого вопроса затруднительно без анализа системы, характера государственно-экономических отношений в России, а также без учета ресурсов самих организаций и того выбора, который делают верующие.

25. Попутно отметим, что бюрократия опирается на собственные представления об эффективности управления религиозными организациями, в целом придерживаясь охранительного дискурса, особенно заметного по отношению к мусульманам.

26. Беккин Р.И. «Люди в верности надежные...». С. 29.

27. Там же. С. 39.

28. «If it looks like a duck, swims like a duck and quacks like a duck, then it probably is a duck» («Если нечто выглядит как утка, плавает как утка и крякает как утка, то это, вероятно, и есть утка»).

Верующие и пустота

Неотъемлемым элементом рыночных отношений являются верующие как потребители религиозного продукта. Однако в полном соответствии с установками Л. Яннаконе²⁹ в книге фокус нашего внимания концентрируется исключительно на поведении регулятора рынка и религиозных фирм. Верующие практически выпадают из поля зрения.

В неосвященной зоне остается и важный компонент деятельности муфтиятов — их собственная религиозная работа. Концентрируясь на анализе производства и оказания «нерелигиозных услуг», автор практически игнорирует «церковную» деятельность³⁰. На 349-й странице книги вообще ставится под сомнение наличие у муфтиятов религиозной работы с верующими.

И здесь возникает еще одно важное возражение, которое состоит в том, что фактические связи между верующими-потребителями и самой фирмой-муфтиятом, а также между верующими (а не только национальной элитой и кланами) и государством, в работе практически не анализируются. При таком подходе неочевидно, почему мусульмане на религиозном рынке выбирают определенную фирму-муфтият? Особенно, если в основании выбора производителя на религиозном рынке, как говорилось ранее, лежат сугубо рациональные причины.

Возможный ответ, что верующие не являются объектом исследования, не представляется нам убедительным. Если мы принимаем как факт существование рынка религиозных услуг (т.е. наличия производителя, продавца, покупателя и пр.), то верующие становятся неотъемлемой компонентой рыночной модели отношений. При всех известных ограничениях при прохождении управленческих сигналов, не стоит недооценивать субъектность религиозных и псевдорелигиозных активистов, важность существования различных общественных запросов на те или иные трактовки постулатов веры, которые во многом формируют образ духовной организации и ее последователей в сознании бюрократии и лиц, принимающих решения.

29. Беккин Р.И. «Люди в верности надежные...». С. 23.

30. Спорным представляется и следующий тезис: «Говоря о религиозном продукте, предлагаем духовными управлениями мусульман в современной России, можно отметить следующую тенденцию: чем выше уровень муфтията (от регионального к межрегиональному), тем, как правило, меньшую роль в структуре этого продукта играют услуги собственно религиозного характера» (Там же. С. 40).

Образ мусульманского сообщества в монографии, вольно или невольно, пробивается сквозь теоретическую конструкцию³¹. Важность наблюдения и анализа потребностей самого социума становится особенно очевидной в момент описания смены исторических эпох 1910-х и 1990-х гг.

Другой момент, связанный с познавательным потенциалом подходов неинституциональной экономики Д. Норта, обозначен автором как возможность анализа муфтията как института и обществ, в которых доминируют т.н. неписанные правила. Последние представляют собой «своего рода обычаи», которые вместе с законодательными нормами формируют институциональную основу для деятельности религиозных объединений³².

Трудно не согласиться с утверждением, что «государство уже к началу 2000-х годов установило механизмы контроля над духовными управлениями, которые опираются во многом на неписанные правила»³³. Но к тщательно выписанной автором роли регулятора — «дневного» и «ночного» сторожа религиозного рынка — также возникают вопросы. На страницах книги неоднократно встречаются упоминания незафиксированных в действующем российском законодательстве норм, приводятся случаи их применения, однако сложно представить, что они могут быть корректно описаны и, главное, верифицированы.

Ресурсы и табу

Разговор об институциональной сущности религиозных структур, их реальном влиянии на институциональные рамки государственно-религиозных отношений вести затруднительно, не имея возможности оценить ресурсный потенциал самих институтов и конкретных фирм. Слепым пятном исследования остаются не только потребители-верующие, но и ресурсы самих производителей религиозных и нерелигиозных товаров и услуг, а также материальное и нематериальное обогащение религиозных «фирм».

31. Согласимся с утверждением автора, что «сохранение института муфтията вплоть до падения монархии в России было возможно не только благодаря тому, что в этом было заинтересовано государство, но и потому, что сами мусульмане находили в этом выгоду для себя», так как в XIX веке он сыграл «прогрессивную роль в деле консолидации мусульман внутренней России и Сибири», стал инструментом сохранения идентичности (Беккин Р.И. «Люди в верности надежные...». С. 45).

32. Там же. С. 21, 42, 43.

33. Там же. С. 43.

Удивительным образом в исследовании, написанном историком-экономистом, сама экономическая составляющая деятельности муфтиятов, их ресурсная база, являются собой *tabula rasa*. И если символические ресурсы в виде идеологических конструктов, разрабатываемых муфтиятами, попадают в поле зрения автора книги и тщательно препарируются, то профанный, вещный, мир мечетей, медресе, исламских фондов, вакуффов, халяльного бизнеса, и, конечно, прагматических интересов действующих акторов — будто не существует вовсе.

Язык экономической теории мог бы прояснить, какую роль в государственном управлении религиозными организациями играют материальные активы, обозначить экономические мотивы деятельности обеих сторон? Оценка экономического потенциала и реальных ресурсов (собственность, финансово-хозяйственная деятельность и интересы в этой сфере и пр.) приблизит нас и к пониманию перспектив развития всего сектора религиозной экономики, прольет свет на сущность отдельных инициатив лоббистов от религиозной сферы, инициатив, которые могут рядиться в политико-идеологические одежды.

Справедливости ради отметим, что экономика фирм-муфтиятов не является предметом авторского исследования, но понимание специфики институциональной рамки, определяющей взаимоотношения муфтиятов и государства (надстройки) в категориях политэкономии (религиозное духовенство как класс) без учета экономического базиса (строго по К. Марксу) — задача нетривиальная.

Ценно то, что предложенный методологический подход актуализирует важную научно-практическую проблему: какими критериями и инструментами может быть измерен символический ресурсный потенциал исламских организаций? Оценка ресурсной базы ДУМов, производимая на основании идеологической работы по заказу государства, стратегии развития и географии общин не является вполне убедительной³⁴. В свою очередь, предложение ставить ее в зависимость от количества местных общин, прихожан мечетей, объемов пожертвований отторгается как самими мусульманами (типичной является ссылка на неприличность обсуждения денежных тем, размеров добровольных пожертвований-садака в исламе и пр.), так и внешними экспертами.

34. Указывается, что символический ресурс может быть измерен путем подсчета количества низовых структур — местных религиозных организаций, находящихся в юрисдикции ДУМов, однако дальше этой ремарки не идет, и неподготовленному читателю будет не совсем ясно, о каких порядках идет речь. При ведении подобных подсчетов также следует обратить внимание на реально и формально существующие организации.

Итак, адекватно оценить ресурсный потенциал организаций и самого института в целом не представляется возможным, инструменты и критерии измерения материального и символического ресурса фирм-муфтиятов не определены.

Смещение фокуса читательского внимания в область государственного управления также оставляет без анализа и обратные процессы — «прибыль» самих религиозных организаций, которая может являться материальной и символической (властный ресурс). Следуя логике исследования, результирующую работы фирм-муфтиятов можно рассматривать как капитал, который инвестируется в сугубо религиозные, а также общественно-политические, экономические преференции. Вскользь, в сноске упомянут кейс муфтията Дагестана, который особенно активен в этом отношении³⁵, но ничего не говорится, к примеру, об усилиях других религиозных организаций в общественно-политическом поле. Вне рассмотрения находятся и лоббистские усилия ДУМов по выстраиванию религиозной и социальной инфраструктуры, по реализации социальных проектов, активностей в секторе халяль-индустрии, за которые они, образно говоря, «платят по счетам» государству. Тем паче, что муфтии как руководители «фирм» не считают себя исключительно добросовестными исполнителями государственных установок³⁶ и выстраивают стратегию собственной работы, опираясь на интересы и убеждения не только свои, но и разнообразных контрагентов.

Почему еще так важен разговор о ресурсном потенциале муфтиятов и потребительском поведении верующих на религиозном рынке?

Без обсуждения этих аспектов трудно ответить на вопрос об исторической судьбе муфтията как института; о характеристике государственно-исламских отношений как части современной российской политической модели. Один из важнейших тезисов монографии сформулирован так:

Институт муфтията возник, когда правительство поняло, что издержки на содержание официального мусульманского «духовенства» будут меньше, чем на поддержание лояльности независимых от государства имамов³⁷.

35. Беккин Р.И. «Люди в верности надежные...». С. 416.

36. «Духовное управление, — по мнению муфтия Татарстана Камиля Самигуллина, — это представительство мусульманской общины перед государством, но ни в коем случае не представительство государства перед мусульманами» (там же. С. 408).

37. Беккин Р.И. «Люди в верности надежные...». С. 44, 146.

В развитие мысли отмечается, что «...только когда будет найдена оптимальная институциональная форма для объединения мусульман, сопряженная с наименьшими издержками как для государства, так и для верующих, институт муфтията станет достоянием истории»³⁸. В исследовании мы не найдем четкого ответа на вопрос: как и кем были подсчитаны издержки (материальные и нематериальные), а также затраты, которые возлагает на себя государство?

Зададимся вопросом: можно ли в принципе произвести подсчет потенциальных экономических и политических государственных издержек, возникающих при исчезновении/сохранении муфтията как института? Если это принципиально нерешаемая задача, следовательно, мы можем усомниться в корректности исходного тезиса.

Неслучайно в тексте нет стройного «экономического» объяснения причин разнообразия «исламской» государственной политики (т.е. институциональной рамки) в разных частях Российской империи. Опираясь на историческую конкретику, но без разъяснения соотношения прибыли и издержек, автор справедливо замечает, что одной из главных причин создания Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) было стремление ограничить влияние зарубежных мусульман на российских единоверцев³⁹. Поясняя кейс Туркестана и «политику игнорирования» ислама, четко фиксируется, что в различных регионах исторически не было единообразия: были случаи, когда издержки считались «приемлемыми» (случай создания ОМДС в Волго-Уральском регионе) и «чрезмерными» (Туркестан и Северный Кавказ)⁴⁰. Отдельно отметим, что речь ведется только об издержках одной стороны (государства), но не другой (мусульманское сообщество, религиозная бюрократия).

Заглядывая в будущее

Одна из наиболее сильных сторон любой методологии — возможность прогнозирования социальных процессов. Что может быть предложено в этом отношении неоинституциональной теорией? Шире — может ли экономический инструментарий помочь в прогнозировании социальных процессов в сфере государственно-религиозных

38. Там же. С. 46. Вторичное обстоятельство, которое также ограничивает прогностический потенциал методологии, связано с тем, что автором были изучены материалы только Волго-Уральского региона, иные (Крым, Северный Кавказ) не являлись предметом рассмотрения.

39. Там же. С. 83.

40. Там же. С. 146.

отношений, в понимании перспектив развития религиозных институтов в России?

Когда речь идет о сохранении неэффективных институтов, указывается на действие различных базовых факторов: интерес государства и могущественных групп со специальными интересами; справедливо подчеркивается, что институты далеко не всегда создаются ради эффективности, а «скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»⁴¹.

Нортон также вводится и определяется понятие «эффект колеи», как «ограничение возможностей выбора, существующих в настоящем, основанное на историческом опыте прошлого»⁴². Возникает большой соблазн объявить муфтият институтом, обреченно существующем в «эффекте колеи», но в монографии этот тезис четко не артикулируется.

В итоге мы читаем: «Вместе с тем необходимо понимать, что теория Норта, равно как теория экономики религии, не могут дать точного или приблизительного прогноза о будущем института муфтията в России»⁴³, то есть вопрос о прогностическом потенциале неоинституциональной теории автором снимается с повестки дня.

Как уже было сказано, сложный вопрос о характеристике актуальной политико-экономической системы в России в книге не затрагивается. Согласимся с автором в том, что духовная сфера в текущей конструкции властных отношений является специфическим символическим ресурсом, на который формируется государственный заказ. Сущность заказа — мобилизация верующих и религиозной бюрократии вокруг государства и правящей элиты как носителей неоконсервативных ценностей. Потому вопрос о судьбе муфтията как института, опять же, не решается без анализа российского экономического порядка и властных отношений. Что это за политэкономическая модель: «ресурсная организация государственной жизни»?⁴⁴ Ресурсная модель экономики в государстве гибридного типа? Нечто иное?

41. *Заостровцев А. П.* О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю? СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. С. 15.

42. «Эффект колеи» по Д. Норт — «способ, при помощи которого институты и убеждения, сформированные в прошлом, влияют на нынешние решения» (Цит. по: там же. С. 44).

43. *Беккин Р. И.* К вопросу о применимости теории экономики религии к изучению деятельности духовных управлений мусульман (муфтиятов) в современной России.

44. *Кордонский С. Г.* Ресурсное государство: сб. ст. М.: REGNUM, 2007. С. 14.

Вполне оправдан интерес, проявленный автором к историческому опыту несложившейся демократизации ЦДУМ России в конце 1980-х — начале 1990-х годов. В исследовании этот, принципиальный для самого института, момент объясняется, в первую очередь, наличием/отсутствием административного ресурса у муфтиятских менеджеров и личностными характеристиками лидеров⁴⁵. Первостепенной причиной сохранения и утверждения монополии муфтията Татарстана также называются действия регулятора — властей региона⁴⁶.

Иные факторы — привлекательность идейной платформы муфтиятов, слабость (несформированность? отсутствие?) демократического запроса со стороны самих верующих — также остаются вне нашего поля зрения, тем самым усиливая ощущение тотальности государственной машины.

Еще одной важной «третьей силой» является и Русская Православная церковь — монополист на российском религиозном рынке. Крайне актуален начатый автором разговор о влиянии ее конкретных шагов на институциональную рамку исламо-государственных взаимодействий.

Суммируя, отметим сильные стороны предложенного похода. Прежде всего, это — стремление преодолеть характерную для теории экономики религии слабость, связанную с игнорированием фактора государства. Мы видим, как экономические категории и механизмы успешно «работают» на микроуровне (когда мы говорим о муфтиятах как об организациях, о конкретике их взаимодействия), но в меньшей степени применимы и к «макроэкономическим» процессам (при анализе взаимодействий института муфтията с государством внутри сложившейся институциональной рамки государственно-исламских взаимодействий).

Предложенный вариант описания «макроэкономического» среза языком неинституциональной экономики интересен тем, что акцентирует наше внимание на наличии «серой» зоны неформальных правил, но не предлагает надежных инструментов для верификации их содержания, и, увы, бессилен в прогнозировании процессов в сфере государственно-религиозных отношений.

45. Беккин Р. И. «Люди в верности надежные...». С. 310.

46. Там же. С. 400.

В заключение, или Проклятые русские вопросы

И все-таки насколько в российских условиях корректен тезис о торжестве экономических и религиозных рынков? Вопрос может быть сформулирован шире, так, как его формулируют критики «новой парадигмы» — существует ли необходимость превращать религиозные организации в субъекты рыночных отношений (как это сделано в работе Р. Беккина) или же следует ограничиться использованием метафор экономического языка для описания государственно-церковных отношений?

При допущении тождества двух типов рынков мы натолкнемся, прежде всего, на отторжение рыночных понятий религиозными организациями, которые публично не готовы оценивать свою деятельность в экономических понятиях и критериях эффективности (применять к себе эдакий «церковный» KPI). Вряд ли верующие могут оценить собственный религиозный выбор как сугубо рациональное решение, основанное на соотношении издержек и прибыли.

Но если, тем не менее, мы признаем справедливость исходного тезиса, предположив, что в реальности религиозные институты действительно подчиняются рыночным законам, то возникает два вопроса: (а) применимы ли к российскому религиозному рынку характеристики «свободный», «плюральный»? (б) можем ли мы рассматривать религиозные организации, внешне независимые, но связанные финансовыми нитями и системой писаных и неписаных правил, взаимных обязательств с государством как неформальную (неузаконенную? «теневую»?) часть российского государственного аппарата, часть, которой делегируются специфические задачи в поле общей власти (*shared authority*)?

Проверить гипотезу о том, что религиозные институты являются лишь нелегитимизированным сектором государственной экономики и бюрократического аппарата, можно лишь изучив вопрос о сугубо экономических мотивациях («борьба за бюджеты») религиозных акторов, об иных видах взаимного лоббизма, и, конечно, с учетом социальных, духовных запросов и ресурсных возможностей самих верующих. В предложенной методологической конструкции последние, увы, имеют нулевую значимость.

Суммируем. Для более объективной оценки государственно-религиозных отношений с использованием инструментов экономической теории необходимо прояснить две ключевые переменные: (а) характеристику материальных активов самих религиозных институтов и их паствы, особенности экономической деятельности, мотивацию, связанную с получением доходов и страхованием собственных

рисков⁴⁷; (б) параметры политико-экономического развития государства на различных этапах его развития.

Изучение этих вопросов удержит нас, пользуясь выражением одного из рецензентов статьи, от «авторитарного перевода языка религии на язык экономики», поможет избежать положения заложников современного общественно-политического дискурса, в котором «капиталистический рынок не только естественен, но даже боги подчиняются его законам»⁴⁸.

Возьмем на себя смелость утверждать, что дальнейший разговор о государственно-религиозных отношениях на языке политэкономии, безусловно, необходим. Де-факто мы имеем дело с марксистским определением религиозной бюрократии как класса — сконструированной социальной группы, которая присваивает себе специфическое «средство производства» — духовное наследие т.н. традиционного ислама, разрабатывает свои прочтения богословских вопросов и иные идеологии, во многом формирует материальную среду религиозной жизни.

В условиях глобализации киберисламское пространство, в свою очередь, угрожает монополии муфтиятов и класса религиозной бюрократии, которые стремятся заместить потенциальную или реальную потерю, активизируясь в различных, в том числе нерелигиозных, сферах деятельности. Наметилось и объединение муфтиятов с другими, не-исламскими, религиозными акторами в борьбе против общего виртуального врага, стремящегося нанести урон традиции, под которым понимаются «неолиберальные ценности, противоречащие человеческой природе», экспортируемая из-за рубежа «деструктивная идеология».

«Старый добрый» марксизм и его современные прочтения также помогут в развитии тезиса Рената Беккина о взаимовыгодности «проекта “Муфтият”» для «заказчика» и «исполнителей», в особенности если учесть ресурсную составляющую вопроса как элементов экономического базиса — объемов и характера доступных муфтиятам ресурсов, встроенности в систему «патрон-клиентных» отношений с региональными властями и другими государственными структурами.

Углубленный анализ этих проблем также позволит избежать преувеличения влияния государства-Левиафана в этой сфере и будет

47. Очевидно, что в такого рода исследованиях необходимо избегать другой крайности — сведения целей деятельности религиозных организаций к сугубо меркантильным интересам, как это случалось в недавнем советском прошлом.

48. Критики «религиозной экономики» и «теории рационального выбора» не раз обращали внимание на буквализм применяемых рыночных метафор, их неолиберальную природу (см., например: McKinnon, A. M. (2011) “Ideology and the Market Metaphor in Rational Choice Theory of Religion”, *Critical Sociology* 3).

способствовать развенчанию ложной аксиомы, существующей в воображении исследователей, когда стремление государства к тотальному контролю за духовной сферой представляется фактическим контролем над ней.

Библиография / References

- Андреев А. Становление Финансово-хозяйственного управления Русской православной церкви: История централизованного управления церковным имуществом и финансами в России. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.
- Беккин Р. И. К вопросу о применимости теории экономики религии к изучению деятельности духовных управлений мусульман (муфтиятов) в современной России // Проблемы современной экономики. 2019. № 4(72) [<http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6797>, доступ от 20.03.2023].
- Беккин Р. И. «Люди в верности надежные...». Татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века)». М.: НЛО, 2022.
- Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара: Офорт, 2013.
- Зарипов И. А. Исламские финансы в России: проблемы становления и пути их решения // Мир новой экономики. 2016. № 2. С. 64–74.
- Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: Коллективная монография / отв. ред. Т. Н. Липатова. Казань: Издательство АН РТ, 2021.
- Ислам и советское государство (1917–1936). Сборник документов. Выпуск 2 / Сост., автор предисл. и прим. Д. Ю. Арапов. М.: ИД Марджани, 2010.
- Источники существования исламских институтов в Российской империи: сб. ст. / Сост. и отв. ред. И. К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
- Калинин И. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты // Неприкосновенный запас. 2013. № 2(88). С. 200–214.
- Кобзев А. В. Анализ финансово-хозяйственной деятельности мусульманских зарегистрированных общин Ульяновской области в 1960–1980-х гг. // Финансы и кредит. 2014. № 48(624). С. 60–71.
- Королев А. А. К вопросу о финансовой деятельности мусульманских объединений СССР во второй половине 1940 — первой половине 1980-х гг. (по материалам Пензенского региона) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 126–130.
- Кныш А. Постсоветский суфизм как предмет научного исследования сегодня и в ближайшей перспективе // Суфизм после СССР. М.-СПб.: Марджани, Аль-Макам, 2022. С. 13–24.
- Кордонский С. Г. Ресурсное государство: сборник статей. М.: REGNUM, 2007.
- Лобазова О. Ф., Никифорц-Такигава Г. Б. Big Data в исследовании вовлеченности молодежи в виртуальный «религиозный рынок» // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 24. С. 64–77.
- Митрохин Н. Экономика Русской православной церкви // Отечественные записки. 2001. № 1(1) [https://strana-oz.ru/2001/1/ekonomika-russkoj-pravoslavnoy-cerkvi#_ftnref3, доступ от 20.03.2023].

- Мухаметзянов А.А. Экономическое положение мусульманской общины в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. № 49, вып. 13. С. 133–137.
- Назаров А.А. Экономика и религия Российской империи. Конфессиональная политика в системе экономических реформ (по материалам законодательства XVIII–XIX вв.). М.: Парадиз, 2006.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко, предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Руткевич И.Д. «Новая парадигма» в социологии религии: Pro и Contra // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 207–233.
- Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М.: НЛО, 2020.
- Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999.
- Andreev, A. (2014) *Stanovlenie Finansovo-khoziaistvennogo upravleniia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: Istoriia tsentralizovannogo upravleniia tserkovnym imushchestvom i finansami v Rossii* [Formation of the Financial and Economic Management of the Russian Orthodox Church: The History of Centralised Management of Church Property and Finance in Russia]. M.: Izd-vo PSTGU.
- Arapov, D. Iu. (ed.) (2010) *Islam i sovetskoe gosudarstvo (1917–1936). Sbornik dokumentov. Vypusk 2* [Islam and the Soviet State (1917–1936). Collection of documents. Issue 2]. M.: ID Mardzhani.
- Babadjanov, B. (2014) *The Economic and Religious History of a Kolkhoz Village: Khojawot from Soviet Modernisation to the Aftermath of the Islamic Revival in Allah's Kolkhozes. Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s)*. Berlin: Klaus Schwarz Verlag.
- Bekkin, R. I. (2019) “K voprosu o primenimosti teorii ekonomiki religii k izucheniiu deiatel'nosti dukhovnykh upravlenii musul'man (muftiatov) v sovremennoi Rossii” [On the applicability of the theory of economics of religion to the study of the activities of Muslim spiritual administrations (muftiyats) in modern Russia], *Problemy sovremennoi ekonomiki* 4(72) [<http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6797>, accessed on 20.03.2023].
- Bekkin, R. I. (2022) “Liudi v vernosti nadezhnye...” *Tatarskie muftiiaty i gosudarstvo v Rossii (XVIII–XXI veka)* [“People in fidelity reliable...” Tatar Muftiyats and the State in Russia (XVIII–XXI centuries).]. M.: NLO.
- Benussi, M. (2020) “‘Sovereign’ Islam and Tatar ‘Aqidah’: Normative Religious Narratives and Grassroots Criticism Amongst Tatarstan’s Muslims”, *Contemporary Islam* 14: 129–130.
- Etkind, A. (2020) *Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo* [The Nature of Evil. Raw materials and the state]. M.: NLO.
- Iunusova, A. B. (1999) *Islam v Bashkortostane* [Islam in Bashkortostan]. Ufa: Ufimskii poligrafkombinat.
- Kalinin, I. (2013) “Proshloe kak ogranichennyi resurs: istoricheskaya politika i ekonomika renty” [Past as a limited resource: historical policy and rent economy], *Neprikosnovennyi zapas* 2(88): 200–214.
- Knysh, A. (2022) “Postsovetskii sufizm kak predmet nauchnogo issledovaniia segodnia i v blizhaishei perspective” [Post-Soviet Sufism as a subject of scientific research today and in the near future], in S. Abashin, I. Pankov, A. Knysh (eds) *Sufizm posle SSSR*, ss. 13–24. M.-SPb.: Mardzhani, Al'-Makam.

- Kobzev, A. V. (2014) “Analiz finansovo-khoziaistvennoi deiatel'nosti musul'manskikh zaregistrovannykh obshchin Ul'ianovskoi oblasti v 1960–1980-kh gg.” [Analysis of financial and economic activity of Muslim registered communities of the Ulyanovsk region in 1960–1980s], *Finansy i kredit* 48(624): 60–71.
- Kordonskii, S. G. (2007) *Resursnoe gosudarstvo: sbornik statei* [Resource State: Collection of Articles]. M.: REGNUM.
- Korolev, A. A. (2008) “K voprosu o finansovoi deiatel'nosti musul'manskikh ob"edinenii SSSR vo vtoroi polovine 1940 — pervoi polovine 1980-kh gg. (po materialam Penzenskogo regiona)” [On the question about the financial activity of Muslim associations of the USSR in the second half of 1940 — first half of 1980s (on the materials of the Penza region)], *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* 10(1): 126–130.
- Lipatova, T. N. (ed.) (2021) *Islam i religiozniy aktivizm v Respublike Tatarstan* [Islam and religious activism in the Republic of Tatarstan]. Kazan': Izdatel'stvo AN RT.
- Lobazova, O. F., Nikiforts-Takigava, G. B. (2018) “Big Data v issledovanii вовлеченности молодежи v virtual'nyi ‘religiozniy rynok’” [Big Data in the study of youth involvement in the virtual “religious market”], *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie* 24: 64–77.
- McKinnon, A. M. (2011) “Ideology and the Market Metaphor in Rational Choice Theory of Religion”, *Critical Sociology* 1–15.
- Mitrokhin, N. (2001) “Ekonomika Russkoi pravoslavnoi tserkvi” [Economy of the Russian Orthodox Church], *Otechestvennye zapiski* 1(1) [https://strana-oz.ru/2001/1/ekonomika-russkoy-pravoslavnoy-cerkvi#_ftnref3, accessed on 20.03.2023].
- Mukhametzanov, A. A. (2007) “Ekonomicheskoe polozhenie musul'manskoi obshchiny v Rossii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)” [Economic situation of the Muslim community in Russia (second half of XIX — beginning of XX century)], *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki* 49(13): 133–137.
- Nazarov, A. A. (2006) *Ekonomika i religiia Rossiiskoi imperii. Konfessional'naiia politika v sisteme ekonomicheskikh reform (po materialam zakonodatel'stva XVIII–XIX vv.)* [Economy and religion of the Russian Empire. Confessional policy in the system of economic reforms (on the materials of the legislation of the XVIII–XIX centuries)]. M.: Paradiz.
- North, D. C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press.
- Rutkevich, I. D. (2013) “‘Novaia paradigma’ v sotsiologii religii: Pro i Contra” [“New paradigm” in the sociology of religion: Pro and Contra], *Vestnik Instituta sotsiologii* 6: 207–233.
- Serebriany, S. (2012) “‘Orientalism’: a good word defamed”, in E. S. Shteiner (ed.) *Orientalism/Occidentalism: Languages of Culture vs Languages of Description: Collected Papers*, ss. 25–33. M.: Sovpadenie.
- Stark, R. Finke, R. (2000) *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*, p. 100. Berkeley: University of California Press.
- Zagidullin, I. K. (ed.) (2009) *Istochniki sushchestvovaniia islamskikh institutov v Rossiiskoi Imperii: sb. st.* [Sources of the existence of Islamic institutions in the Russian Empire: a collection of articles]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.
- Zaripov, I. A. (2016) “Islamskie finansy v Rossii: problemy stanovleniia i puti ikh resheniia” [Islamic finance in Russia: problems of formation and ways to solve them], *Mir novoi ekonomiki* 2: 64–74.